

Когда Мо Цзюцзюнь вошёл в зал в сопровождении Суй Фэна и Суй Ина, Чай Цзыжань и его компания только что закончили обед. Они сидели на стульях в небрежных позах, а на столе ещё не успели убрать остатки трапезы, загромождавшие всю поверхность. Среди этого беспорядка белел большой фарфоровый таз, выглядевший особенно неуместно.

Чай Цзыжань держал во рту палочку для еды, с кончика которой капала вода. Мо Цзюцзюнь сел рядом с ним, и Чай Яньжань мгновенно насторожилась. Сердце её забило, как барабан: ей почудилось, что Мо Цзюцзюнь снова что-то замышляет против её брата. Она передвинула свой стул, встав между ними, и с неловкой улыбкой спросила:

— Господин Цзюцзюнь, как вы сюда попали?

— А разве мне нельзя? — Мо Цзюцзюнь приподнял бровь, его взгляд упал на маленьких креветок, резвящихся в белом тазу. Это вызвало у него недоумение. Чай Цзыжань всегда презирал мелкую рыбёшку и рачков, считая, что их можно разве что съесть, когда проголодаешься, но уж никак не заводить в доме, где за ними нужен уход. Почему же теперь он изменил своим привычкам?

Чай Цзыжань на время проигнорировал Мо Цзюцзюня, лягнул ногой Юань Хана, притаившегося под столом, и с усмешкой прикрикнул:

— Эй, бездельник! Как смеешь лениться? Живо налей чаю нашему господину Цзюцзюню!

Юань Хан всё больше сомневался, действительно ли его господин три года был не в себе. Он ловко обошёл Мо Цзюцзюня, присел перед Чай Цзыжанем и сухо произнёс:

— Это вы сами сказали, что уездный начальник Суйюй обижает таких хороших людей, как вы, и потому решили его проучить. Вы сказали, что очень, очень разгневаны.

Мо Цзюцзюнь нахмурился: «Очень, очень разгневан?» Он хотел было повернуться к Чай Цзыжаню, но Чай Яньжань встала, и её фиолетовый шарф закрыл обзор. Пришлось смущённо отвести взгляд.

Увидев, что Мо Цзюцзюнь больше не смотрит на её брата, Чай Яньжань села, откашлялась и с напускным спокойствием взяла чашку, чтобы отпить воды.

Чай Цзыжань, заметив чашку в её руках, воскликнул:

— Сестра, это же моя чашка!

Чай Яньжань, уже поднося чашку ко рту, замерла, затем неловко сунула её брату:

— Конечно, я знаю, что твоя. Я специально взяла, чтобы дать тебе попить.

— Правда? — удивился Чай Цзыжань. — Но ты же только что не разрешала мне пить холодное, говорила, что погода ещё прохладная и я могу заболеть.

Лицо Чай Яньжань задёргалось. Увидев, как брат подносит к губам остывший чай, она решила, что его здоровье важнее её гордости, и выхватила чашку обратно, поставив на стол.

Едва чашка коснулась стола, как её тут же подняли. Мо Цзюцзюнь неспешно приоткрыл крышку и отпил глоток. Чай Яньжань смотрела на него с раскрытым ртом, а Чай Цзыжань встал и уставился на Мо Цзюцзюня, который спокойно произнёс:

— Мне холодное не страшно.

— Герой! — вырвалось у Чай Цзыжаня, и он взглянул на Мо Цзюцзюня с восхищением.

Трудно сказать, восхитился ли он тем, что Мо Цзюцзюнь отпил из его чашки, или же его бесстрашием перед холодом. Это знал только сам Чай Цзыжань.

Мо Цзюцзюнь поднял на него взгляд. Его алая одежда кричаще ярка, а чёрные волосы, свободно ниспадающие на плечи, придают ему вид безмятежный и непринуждённый. Глаза его, словно сверкающие в ночи жемчужины, вроде бы ничем не отличались от тех, что украшали серебряные фонари у ворот его дома, но почему-то смотрелись куда приятнее, и чем дольше на них смотришь, тем лучше становится на душе.

Чай Цзыжань громко рыгнул, покосился на белый фарфоровый таз, окружённый остатками трапезы, и вспомнил забавную сценку, увиденную вчера на рынке.

Старуха в лохмотьях, с косящим глазом, подошла к лотку, наклонилась над плетёной корзиной рыбака и принялась разглядывать содержимое. Смотрела она туда-сюда, вправо-влево, но разглядеть ничего не могла. В конце концов, ей пришлось скосить глаз на старого рыбака:

— Эй, что это у тебя в корзине?

У рыбака в тот день дела шли плохо, и он, сидя на скамеечке и закинув ногу на ногу, лениво ответил:

— Креветки!

Старуха нахмурилась, ткнула в него пальцем и закричала:

— Ах ты, паршивец! Кто слепой-то? У меня просто зрение плохое!

Рыбак тоже нахмурился. Он жил рыбной ловлей, и сегодняшней улов был скудным. Пришлось сдержаться, хоть и попался сварливый старый горшок. — Креветки! — повторил он. — Креветки, говорю! Это креветки!

— Сам ты слепой! — взъярилась старуха. От злости она даже вырвала у себя несколько седых волосков, скосила глаз на рыбака и мысленно послала его ко всем чертям. К счастью, она была цивилизованной жительницей Суюй, поэтому, схватив свою корзину, развернулась и зашагала прочь.

Рыбак опешил и, крича ей вслед, принялся объяснять:

— Креветки! Креветки, старуха! Честное слово, креветки! Не из каких-то других мест, а мои, самые что ни на есть креветки, много креветок...

Старуха, косясь, обернулась, посмотрела на всё ещё оправдывающегося рыбака, стиснула зубы, пробормотала что-то невнятное и зашагала ещё быстрее.

Рыбак почесал затылок:

— Не иначе, больная.

Чуть позже рыбак убедился, что старуха действительно была не в себе, потому что та привела трёх своих дюжих сыновей, которые жестоко избили его.

Чай Цзыжань, хихикая, поднял тяжёлый белый таз, несколько раз обошел вокруг Мо Цзюцзюня и принялся бормотать:

— Слепой! Слепой! Ты слепой! Слепой! Слепой! Ты слепой! Слепой...

Мо Цзюцзюнь: «...»

Чай Яньжань прикрыла лицо своими беленькими ручками, всем существом желая, чтобы этот позорный брат ей не достался. Юань Хан, убирая со стола посуду, украдкой взглянул на своего господина и тут же отвёл глаза, подумав: «И впрямь, три года дурака валял».

Маленькая Редька, увидев, что в зале творится что-то весёлое, радостно прибежал, таща за собой неказистого червяка, обхватил ногу Чай Цзыжаня и, подняв на него свои большие, полные мольбы глаза, спросил:

— Братец Цзыжань, почему ты меня с собой не берёшь?

Чай Цзыжань, смеясь, присел и позволил Маленькой Редьке самому выбрать креветку. Затем они вдвоём принялись радостно бегать вокруг Мо Цзюцзюня, распевая:

— Слепой! Слепой! Ты слепой! Слепой! Слепой! Ты слепой! Слепой...

Мо Цзюцзюнь: «...»

В дверях появился видный, грубоватый стражник, который почтительно поклонился Мо Цзюцзюню:

— Докладываю, господин. Генерал Хунмэнь прибыл в управу вместе с Цзинь Синем, дабы ударить в барабан и взыскать правосудия. — Он взглянул на Чай Цзыжаня:

— Не пора ли начать разбирательство? — Ранее Мо Цзюцзюнь велел, чтобы сегодня суд собирался только по зову Чай Цзыжаня.

Мо Цзюцзюнь, видя, как Чай Цзыжань веселится с Маленькой Редькой, с интересом спросил:

— Начинать?

Чай Цзыжань с грохотом поставил большой белый таз на стол и, гордо выпрямив грудь, заявил:

— Непременно начинать!

Мо Цзюцзюнь сделал вид, что задумался:

— Но я же сказал, что суд соберётся только если ты ударишь в барабан.

Чай Цзыжань поправил воротник, похлопал Мо Цзюцзюня по плечу и сказал:

— Да это же проще простого! Я сейчас иду бить в барабан, да ещё и Чжан Хуахуа с её бабушкой захвачу. — Глаза его заискрились от предвкушения:

— Вот теперь-то будет интересно? — Главное, он сможет увидеть, как у Цзинь Синя будет вид, будто тот собачьего дерьма откусил.

Одна мысль об этом поднимала ему настроение.

У ворот управы раздался громкий, словно солнце, барабанный бой. Прохожие из уезда Суюй останавливались и глазели на Чай Цзыжаня в красной одежде, который колотил в барабан, взывая к правосудию. Лицо его сияло улыбкой, задница так и ходила ходуном, а руки размахивали в такт.

Жители Суюй начали поговаривать, не встретил ли вчера Чай Цзыжань какого-нибудь разбойника, равнодушного к мужскому полу, и не стал ли его жертвой.

Генерал Хунмэнь, стоявший неподалёку, хмурился. Чем дальше он смотрел на Чай Цзыжаня, тем сильнее раздражался. Вид того, как тот вертит задом, позорил имя его отца, генерала-основателя! В гневе он схватил отца Маленькой Редьки за плечо и, захлёбываясь от ярости, начал:

— Ты... ты... ты ты ты...

Генерал Хунмэнь долго не мог вспомнить, как зовут отца Маленькой Редьки, помня лишь, что этот парень был одним из разбойников с «Переправы Восьми Бессмертных». Человек он был неплохой, его захватили в горы, чтобы стирал одежду да готовил еду для бандитов. Дома у него остался маленький ребёнок. Злодеем он не был, и генерал решил, что лучше всего оставить его при себе в услужении.

Плечо отца Маленькой Редьки словно зажали в тисках. Сдерживая слёзы, он с болью повернул голову:

— Генерал, этого человека зовут Редька.

<http://bllate.org/book/15931/1424054>